

братец Кролик мне пишет: "привет. тут летят с ветвей
листья, звёзды и яблоки. Ангелы пьют глинтвейн
на веранде из кружек фарфоровых по ночам
и хохочут, друг друга пытаясь перекричать.
я варю его с вечера - пряности и вино,
тот особый рецепт, нами выдуманный давно.
скоро будут блины с ежевикой и молоком..."
я читаю - а в горле ком.

братец Кролик мне пишет: "семнадцатый день дожди.
этот август влюбился, а следовательно, не жди,
что он будет нас баловать; нерв и неадекват.
не луна, а какая-то лампочка в сорок ватт.
я смотрю на неё и курю, рыжий братец Лис,
моя личная осень, корица и барбарис.
этот вечер закончился пять сигарет назад..."
посмотреть бы ему в глаза.

братец Кролик мне пишет: "прочтешь - и не отвечай.
я сушу на веревочках собранный иван-чай,
для кого - непонятно, но каждый себе берёт,
что урвал - забродившие ягоды, травы, мёд,
всё пошло на гербарий, однажды и нас с тобой
распластают, засушат и ленточкой голубой
перевяжут крест накрест, под мышкой неся во тьму..."
я соскучился по нему.

братец Кролик мне пишет: "а в голову не бери.
просто в это ненастье мне хочется говорить,
и смеяться, и спорить, как будто бы не один.
собирайся и приходи."

небо выцвело, ночь без боя сдает редут.
он же знает, что будет, когда я за ним приду.
бесконечная нежность и тихий-притихий шаг.
я не знаю кому, но здесь точно не мне решать.
листья, яблоки, звёзды срываются - увернись.
Я заждался. Добро пожаловать, братец Лис,
ты такой же красивый, кто ж верит календарю.
две минуты - я долюбуюсь и докурю.
то, что нам предначертано свыше, не отменить.
остаётся последним спасибо и обними.
братец Лис братец Кролик играют в одну игру

я кладу тебе лапу
на грудь

я же девочка, Господи, мне же расти и расти
чай заваривать зайцу, венки из сурепки плести
наряжаться в красивые платья и клянчить мороженое
и капризничать, и засыпать на коленях у мамы
а они все бегут: ой болит, приложи подорожник
ой болит, забинтуй мне лодыжку, подуй мне на рану

и рыдают, катаясь по летней горячей траве
я их гляжу по голове

я же девочка, Господи, я не умею, прости
вот лесная клубника в испачканной соком горсти
хочешь? только не надо совать нашатырь и бинты
и на горы указывать синим перстом с высоты
где война, где стреляют и режут, где смерть по утрам
варит кашу для раненых и бересклет собирает
а они голосят - ой, сестра, умираю, сестра
и один за одним умирают
что ты делаешь, Господи, чем же я им помогу
даже кровь не стирается с чёрных обугленных губ
как рубашки, тела зашиваю, и стонет вдали
у котенка боли, у собачки боли, у синички боли
а у мальчика не боли

наших мальчиков не спасли

я же девочка, Господи, что там положено им
наряжаться, играть, пекь имбирные пряники и
что там "и" я не знаю, ведь занятые руки - держись
не ходи в облака, не выхаркрай скользкую жизнь
впрочем, Господу мало и этого, он говорит
стоя синим столпом у распахнутой настежь двери
я привел к тебе нашего сына, прими и люби
а потом отведи его к людям и дай им убить

расплескать по холодному камню горячий кармин
аминь

и стою я таким же столбом, и дышать не могу
словно прячусь в очерченном мелом защитном кругу
ничего не случится, пока я внутри, мальчик мой
не убьют, не распнут - лишь осина трясет головой
а мальчишке уже надоело без дела стоять
любопытный, бесстрашный, весёлый - ему бы стрелять
из любимого лука - ведь жизнь так проста и добра
нужно мир, как игрушку, успеть разобрать и собрать
и опять разобрать, и удариться локтем о стол
ой болит - руки сами собою ложатся крестом
ой болит - замыкается время и сходит на нет

и на пол полосами ложится
полуденный свет

Научи меня верить радугам в феврале,
человек с тростниковой флейтой, бродяга Лель.
Что-то сладко и сонно ворочается в груди,
занимает всё больше места и посреди
клетки рёберной к сердцу пристраивается щекой -
тише, тише, ещё не время и далеко...
Видишь, Лель, как ей не терпится всё сломать.

У снегурочек жизни - всего лишь одна зима.
Покажи, как смеяться безудержно и взахлеб,
каблуком разбивая белёсый трухлявый лёд,
чтобы выбралась греться на солнце твоя вода.
У меня есть сегодня, завтра и навсегда.

Капюшон натянул по самое, на глаза.
Ничего мне не хочешь о прожитом рассказать?
Сколько нужно гореть, чтобы копотью всё внутри
так покрылось - ни оттереть, ни отматерить;
сколько нужно скитаться, из скольких стаканов пить,
что за мысли сегодня поставлены на репит
и слова разрывают - а голоса больше нет.
Как зима затянулась последние сорок лет:
видишь, я повзросла. Поверишь ли? - ведь сама
знаю, жизни снегурочкам - только одна зима.
Стало душно, в глазах потемнело - открой окно.
У тебя есть сегодня, вчера и давным-давно.

Значит, время пришло. Мне не страшно, веди меня
мимо призрачных сов и нахохленных воронят
прямо в пламя, уже не скрывающее лица.
Но за руку держи, пожалуйста, до конца.
Почему ты так долго медлил, чего не знал?
У меня в подреберье - сегодняшняя весна,
ей там тесно, она недовольна, пищит, стучит.
Человек с тростниковой флейтою, не молчи.
Я умру - ты родишься заново из воды
смелым, сильным, весёлым, стремительным, молодым.
И пока ты играешь - земле не страшна беда.
Есть вчера, и сегодня, и завтра, и навсегда.

Дом, наполненный светом, и мёдом, и молоком:
это солнечное зверё расселилось под потолком,
всюду скачут, играют, с любым волшебством на "ты",
в непросохшем акриле вымазывают хвосты.
Я сгоняю их с красок - хорош превращать мой дом
в ярко-красное яблоко у Господа под ребром;
здесь хватает сияния от пола до потолка,
а за большее что-то мне нечем платить пока.

Ты не стой на пороге, входи, я же так ждала.
Вот твои имена и на вешалке два крыла.
Ты звучишь так же чисто, как будто не на земле,
в этом странном завьюженном ветреном феврале,
а в далёком-далёком безвременье, роднике,
где мы всё вспоминаем и, сидя рука в руке,
рассуждаем о будущей встрече, рисуем хной
и уходим на землю - рождаться тобой и мной.

Я не помню, как было. Входи же скорей, входи.
Этих солнечных тварей так сладко носить в груди,
всё измазано светом, и стены, и потолок;

осмелевшая музыка пробует на зубок
тех, кто скачет и дразнится. В этом кавардаке
мы сидим на полу, улыбаясь, рука в руке,
и пока ты поёшь, наша жизнь обретает смысл:
над холодной и чёрной Вселенной сияет мыс
с этим домом, и нами, и всеми, кто к нам пришёл.

И пока ты поёшь - всё останется хорошо.

1.

Эти старые песни, в которые серою уточкой
Заплывает печаль, этих глиняных кукол чета
Всё о нас же - о гамельнских детях, ушедших за дудочкой
Крысолова; о нас - заплативших по старым счетам
Черноглазого города, ибо однажды востребует
Тот, кто дал вам взаймы, и не важно - монетой, мечом
Или чем-то иным, - то, что дОлжно.
По ветхому небу и
Затуманенным стёклам стекает густым сургучом
Нечто вроде заката.

Мы - бледные дети без прошлого.

На кленовых сухих вертолётиках мчим наугад,
Задевая бездумно примёрзшее снежное крошево
На чужих черепицах, а узкая птичья нога
Чужаков угляделвшего флюгера ходит со скрежетом
Вправо-влево в своём побелевшем железном гнезде,
Заглушая печальное: "Где же ты? Где же ты? Где же ты,
Мой единственный мальчик?"

А мальчик не ведает, где
Он теперь. Да и голос, его окликающий, кажется
Незнакомым ему, странноватым, но даже зимой
Снежный маленький дом растекается жидкою кашицей
На ладони ребёнка, которому слово "домой"
Непонятно: мы - дети, которые больше не связаны
Пуповиною с ним. Мы блуждаем нигде и во всём.
Лишь бы дудочка пела, скрываясь за старыми вязами,
И звала за собою - не важно, куда унесёт
Золотой вертолёт: на мрачную площадь, на каменный
Позвоночник стены, в виноградник, изъеденный тлёй.
За спиной крысолова - озябшие дети из Гамельна.
Кто владеет сердцами детей - тот и правит землёй.
За спиной крысолова привычно темнеет к пяти.

Мама, нужно идти.

2.

Тонкая дудочка крысолова,
Веди по тихой, многоголовой
Улице мимо её фонтанов,
Мимо скульптур, колоннад, платанов,
Мимо реки, отразившей храмы,
От растревоженной спящей мамы.

Раз) позади остаётся город.
Два) твой тряпичный паяц распорот
Веткою. Три) забывай чужими
Ставшие лица; Четыре) имя;
Пять) осталльное. Иди и слушай.
Шесть) ничего не тревожит душу.
Семь) лишь бы дудочка пела вечно.
Восемь) внутри замирает нечто.
Девять) под рёбра вползает холод.
Десять) ты нас вспоминаешь, город?